

Фон Кихот Готический "Дон Кихот" как нацистский роман Главы из книги

От редакции: Феномен возникновения нацизма в Германии — одной из самых развитых и просвещенных стран Европы — и сегодня, в XXI веке, занимает умы. Среди теорий, гипотез и версий, на наш взгляд, вызывают интерес размышления Олега Кудрина (наш земляк, живет в Москве) над романом Сервантеса "Дон Кихот" и творчеством Гейне. Писатель заметил между ними особую связь.

Романтизм и немецкий поход Дон Кихота

В Германию роман пришел в том же веке, в каком был написан — в XVII. Но в понимании романа немецкая культура долгое время оставалась в тени. Пока, наконец, устами и мозгами немецких романтиков не совершила в XVIII-XIX веках настоящий прорыв. Они постулировали роман Сервантеса как идеальный образец романтического произведения, как законченную философскую жизненную систему.

Новалис считал, что основной пафос "Дон Кихота" — в неразрешимом противоречии между действительностью и мечтой. Безумие он был склонен приписывать не столько самому Рыцарю, сколько реальности, каковой он бросил вызов. Фридрих Шлегель видел в романе проявление и противопоставление двух главных жизненных сил: поэзии, представленной Дон Кихотом, и прозы, олицетворенной Санчо Пансой. По Шеллингу, тема романа — реальное в борьбе с идеальным, а Дон Кихот и Санчо Панса — суть мифологические образы. Еще один важный аспект, отмеченный немецкими романтиками, — критическая позиция Сервантеса по отношению к нарождающейся буржуазии и декларируемому ею порядку вещей.

И мы, уже знакомые с мировоззрением Гитлера и Розенберга, можем отметить, что их национал-социалистические взгляды напрямую произрастают из построений немецких романтиков. Вся готовая система нацистских взглядов — вот она, здесь, в представленной романтической схеме. Нужно только немного — внести в нее расовый аспект: Дон Кихот — герой, нордический, арийский рыцарь, Санчо Панса и тупая масса, толпа, противостоящая рыцарю, — представители "неполноценных рас". И мы получаем нацистскую идеологию во всей красе. "Мир — это арена

мифологизированной борьбы рас. Поэтической, идеалистической — арийской. И всех прочих — "неполноценных", прозаических, материалистических".

Получается, что нацистская идеология — это не идеология последнего шанса крупной буржуазии, империализма, как пытались и пытаются нас убедить отечественные коммунисты-ленинцы. И не воплощенное зло "суверенной личности", по маркизу де Саду, как пыгается показать левая интеллигенция Запада. Нацизм — это романтизм плюс расизм, точнее — романтическая схема мира, оплодотворенная, одухотворенная расовым подходом.

Если понять это, то не нужно удивляться, как нация, подарившая миру Гете и Гофмана, могла построить концлагеря. Одно другому не противоречит, одно из другого произрастает. Если понять это, становится понятным, как могли увлекаться нацизмом такие талантливые и объективно порядочные люди германского происхождения, как писатель Кнут Гамсун, психолог Карл Юнг, философ Мартин Хайдеггер, композитор Рихард Штраус, кинорежиссер Лени Рифеншталь...

Кстати, творчество романтика Фридриха Шлегеля просто напрямую лежит в истоках другого важнейшего элемента нацистской идеологии — так называемого "арийского мифа". Шлегель был не только литератором, но и ученым. Изучая культуры Древнего Востока, он нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях, отношение к которым было самым почтительным, даже сакральным. Шлегель же первый воспел санскрит, придя к выводу, что "индийский язык более древний, чем греческий и латинский, не говоря о немецком и персидском". И он же первый предложил термин "арии", говоря о народе, спустившемся с Гималаев, чтобы колонизовать и цивилизовать Европу. В число ариев, по нему, входили и германцы. Шлегель этимологически вывел корень "*ари*" из слова "*честь*". (А честь — это одно из ключевых понятий нацистской идеологии.)

Не зря у Гейне в его "Романтической школе" есть просто замечательная оговорка о почвеннических корнях романтизма: "У народов, поэзия которых стремилась изобразить бесконечное... появлялись чудовищные порождения фантазии, как, например, у скандинавов и индусов мы встречаемся с произведениями, которые считаем... и называем романтическими". Да-да, индоарийская, индогерманская, санскритская ось "варварская дохристианская Скандинавия — брахманская кастовая Индия" у истоков романтизма! Либерал-космополит Гейне болел этим не меньше, чем нена-

видимые им "гевтономаны". И сама эта оговорка не случайна. Для Гейне — это нечто само собой разумеющееся, благодаря указанным выше построениям романтика Фридриха Шлегеля.

Правда, у Шлегеля пока еще нет расового остервенения, однако он все же подошел очень близко к этому. И следующий шаг сделал уже его ученик — Христиан Лассен, противопоставивший "комплексный талант арийцев" семитам, якобы не имеющим гармоничной души, создавшим эгоистичную и замкнутую религию.

Вот так и пошла многонациональная интеллектуальная линия, приведшая к нацизму: Фридрих Шлегель — Христиан Лассен — Карл Пенка — Жорж де Лапуж — Артур де Гобино — Хьюстон Чемберлен — Адольф Гитлер. И не удивляйтесь тому, что вместе с немцами здесь и французы, и англичане. Ведь и они крепко болели белым расизмом. А создававшие Францию, Англию, составлявшие их дворянскую, рыцарскую элиту франки, бургунды, норманны, англ, саксы — это ведь тоже германские племена.

Нацисты против Генриха Гейне

О, несчастный Генрих Гейне! Блистательный и остроумный, ироничный до язвительности, до цинизма, и все же в чем-то романтичный. Хотя сам он отделял себя от немецких романтиков. О, Гейне, так убежденно и уверенно говоривший о себе: "Мы, немцы"... Мог ли он подумать, что каких-то 80-100 лет спустя все его творчество, сама его фигура будет рассматриваться сквозь увеличительное стекло. И если б объективно, так нет же — предубежденно.

Он был очень подходящей фигурой, мишенью для нацистов. Популярнейший поэт, писатель, критик, публицист. Немецкий еврей, считавший себя немцем, практически забывший (и читателей заставивший забыть), что он еврей.

Гейне не знал и не мог знать, что в 20-40-х годах XX века его творчество будет рассматриваться по принципу "презумпции виновности". Когда все, что он скажет или напишет, может быть использовано против него, чтобы показать, что еврей по крови не может быть немцем по культуре, по духу. И нацисты отделили его от немецких романтиков решительно и прочно, одним махом топорной работы...

Статья "Введение к "Дон-Кихоту" была написана Генрихом Гейне в 1837 году за 1000 франков — к очередному немецкому изданию романа.

Гейне с некоторой скандальной бравадой всегда любил подчеркнуть, что сделал эту статью только ради денег. Он-то и начал ее не оригинально, не творчески, а большой развернутой цитатой о "Дон Кихоте", представляющей собой главу XVII из его же давней — и уже оплаченной — книги "Путевые картины".

С самого начала — как это противоречит той искренней восторженности, с которой говорили и писали о Рыцаре Печального Образа истинные немцы-романтики братья Шлегели, Шеллинг, Новалис, Вагнер!

В ту же копилку компромата и такая вот финансовая двусмысленность в тексте статьи: "Говорят, он [Сервантес] не знал настоящей цены деньгам, но, уверяю вас, он очень хорошо знал настоящую цену денег, коль скоро они у него кончались".

(Воспользуемся приемом Набокова, построившего одну из своих лекций о Дон Кихоте в виде спортивного соревнования — "игры в мяч", тенниса, игры, современной ламанчскому рыцарю и упомянутой во втором томе романа.

Итак, счет 2:0 в пользу нацистов. Две ошибки. Одна — бравирование своей повышенной меркантильностью. Другая — высокомерное ерничанье над бедным, но честным писателем и солдатом, в чьей жизни отсутствие средств играло поистине трагическую роль.)

О чем же, по мнению Гейне, написал книгу Сервантес?

"Смешное в донкихотстве заключается в том, что благородный рыцарь пытается оживить давно отжившее прошлое, и в том, что между его бедным телом, в особенности спиной, и фактами современности возникли болезненные трения... Каким неблагодарным безрассудством является также и попытка слишком рано ввести будущее в настоящее, если к тому же в этой схватке с тяжеловесными интересами сегодняшнего дня обладаешь только очень тощей клячей, очень ветхими доспехами и столь же немощным телом".

Гейне встык дает то, что он называет "двумя видами донкихотства": а) оживление отжившего прошлого, б) введение будущего в настоящее. Здесь проводится мысль, что Дон Кихоты — это те, кто ищут свое — и общее — будущее в прошлом (тут как раз Гитлер, Гитлер, апеллировавший к средневековому, а то и более архаичному — племенному сознанию, спорить не станет). Но главный вывод, что все это, по мнению Гейне, "смешно", "неблагодарное безрассудство". Как же противны были эти строки, такие взгляды Гитлеру! Ведь он, травленный газами нищий ефрейтор-фронтовик, уходя в 1919 году в политику, имел, пожалуй, еще

меньше, чем Дон Кихот. Однако же сумел завоевать благосклонность миллионов, сумел завоевать свою империю — свой рейх, а вместе с ним всю почти Европу.

Далее Гейне предполагает, что Сервантес действительно хотел лишь высмеять рыцарские романы, но "перо гения всегда больше самого гения". И что же? По Гейне, Сервантес "задумал выставить в смешном виде все вообще проявления человеческого энтузиазма, и прежде всего, — героизм служителей меча". Писатель, "сам того ясно не осознавая, написал глубочайшую сатиру на человеческую восторженность".

Тут Гитлер вообще должен был бы задохнуться от возмущения. Истинный воин Сервантес, герой битвы при Лепанто, хотел "в смешном виде выставить, прежде всего, героизм служителей меча"??? Это после всех-то восторженных рассказов Дон Кихота о труде солдата, каковой намного выше и моральней всяких ученостей. И если роман всего лишь "глубочайшая сатира на человеческую восторженность", почему же уже столько веков человечество восхищается ламанчским рыцарем?..*

(3:0 в пользу нацистов. Ошибка Гейне — непонимание величия энтузиазма, восторженности, идеализма.)

Вот что еще легкомысленно пишет Генрих Гейне о героизме: "Общество — это республика. Если отдельная личность выдвигается, масса гонит ее назад насмешками и злословием... Кто непреклонной силою гения будет вознесен над обычным шаблоном, того постигнет ostracism; общество преследует его такими беспощадными насмешками и клеветой, что ему, в конце концов, приходится удалиться в одиночество своей мысли".

Тут, по теориям Гитлера и нацистов, — полное непонимание роли гения, личности, героя, фюрера в истории. Обычная республиканская, либе-

---

* Похоже, Гитлер действительно задохнулся от возмущения Генрихом Гейне. И позже, в своих "Застольных беседах" говоря о романе Сервантеса, он впрямую полемизировал не только с евреем-политиком Марксом, но и с евреем-поэтом Гейне. Сравните.

Маркс: "Эпос вымирающего рыцарства".

Гейне: "Глубочайшая сатира на человеческую восторженность".

Гитлер: "Самая блестящая в мире пародия на общество, находившееся в стадии вы-рождения".

Фраза Гитлера — это, по сути, всего лишь смена оценочных знаков, акцентов в совмещенной фразе Гейне-Маркса. (Кстати, Маркс и Гейне были добрыми приятелями. Гейне много писал для журналов политика-новатора.) Сравните еще раз — уже совмещенные варианты:

Гейне-Маркс: "Глубочайшая сатира на человеческую восторженность, эпос вымирающего рыцарства".

Гитлер: "Самая блестящая в мире пародия на общество, находившееся в стадии вы-рождения".

ральная, демократическая (то есть в их терминах — еврейская) клевета на человеческое общество. Сами наци в этом вопросе придерживались взглядов протонациста Томаса Карлейля с его замечательной (действительно замечательной, и для нормальных людей) работой — "Герои, почитание героев и героическое в истории".

(А значит, 4:0 — из-за оплевывания роли героев в истории.)

Но вернемся к Сервантесу. Какие существенные особенности находит Гейне у испанского писателя? "Склонность описывать быт самой низменной черни, самого отверженного сброда свойственна не одному только Сервантесу, но всей современной ему литературе... У Сервантеса мы еще не находим этой односторонней тенденции — изображать низменное совершенно обособленным; он только перемешивает возвышенное с низменным, одно служит для того, чтобы оттенить или осветить другое".

Здесь для Гитлера важно даже не то, что сказано в отношении конкретного романа, а то, что сказано вообще. "...он только перемешивает возвышенное с низменным..." Как же так можно говорить о великом писателе: "только (!!!) перемешивает возвышенное с низменным". Это именно то, в чем Гитлер обвинял еврейских культуртрегеров, каковые, по его мнению, "сами фабрикуют одну только грязь", да еще и "непреренно стараются вывалить в грязи все подлинно великое в прошлом".

(5:0 в пользу нацистов. Гейне наказан за очернение великого нордического писателя, приписывание ему грязных методов.)

А дальше пойдут более длинные цитаты, к тому же требующие особого пояснения.

"...Наши немецкие романтики совершенно отбросили в романах демократический элемент и возвратились в нелепую колею рыцарского романа, процветавшего до Сервантеса. Наш де ла Мотт-Фуке — не что иное, как последыш тех поэтов, которые произвели на свет "Амадиса Галльского" и тому подобные чудеса, и я удивляюсь не только таланту, но и мужеству, с каким этот благородный барон сочинял рыцарские романы двести лет спустя после появления "Дон Кихота".

Здесь, прежде всего, нужно пояснить, кто такой "наш де ла Мотт-Фуке". Ну, прежде всего, дедом Фуке был знаменитый прусский генерал, соратник обожаемого фюрером короля Фридриха Великого.

А сам он — довольно видный немецкий поэт и писатель, романтик, воспевавший в своих произведениях германскую старину. Самое известное произведение — знаменитая "Ундина", на русский язык переведенная

Жуковским. А в Германии ставшая источником вдохновения для Гофмана, который ради нее отложил свое писательское перо и взялся за композиторское — написал одноименную романтическую оперу. Менее известны, но для нашей работы знаменательны по тематике "Герой Севера", "Волшебное кольцо".

Во время наполеоновских войн сорокалетний отставник Фуке вернулся в армию для защиты отечества. В те же годы написал патриотические "Стихи 1813 года", которые Большая Советская Энциклопедия стыдливо назвала "не свободными от националистических мотивов". Литературным покровителем Фуке был брат Фридриха Шлегеля — Август.

Легко представить, какова могла быть реакция фюрера на приведенные выше пассажи Гейне. Грубовато-высокомерное "последыш", "благородный барон". И то, что он удивляется "не только таланту, но и мужеству" действительно мужественного и не бесталанного человека. И снова вспоминается недавняя цитата из "Майн Кампф" об авторах, которые "сами фабрикуют одну только грязь... непременно стараются вывалить в грязи все подлинно великое в прошлом".

Но вернемся к Гейне и его описанию начала XIX века. "Своеобразна была та эпоха в Германии, когда эти романы появились на свет и с удовольствием были приняты публикой. Что означала в литературе эта страстная любовь к рыцарству и к картинам старого феодального времени? Мне думается, немецкому народу захотелось навсегда проститься со Средневековьем; но, расчувствовавшись, — а это легко случается с нами, мы решили расцеловаться с ним на прощанье. Мы в последний раз прижались губами к старым надгробным камням. Правда, многие из нас повели себя в высшей степени глупо. Людвиг Тик, сладчайший адент этой школы, выкопал из могилы давно умерших предков и принялся качать их гроб, словно люльку, напевая при этом с бессмысленным детским лепетом: "Спи, дедушка, спи!"

Тут Гейне-публицист, сменивший Гейне-критика, ошибся, и очень сильно. Романтический интерес к средневековому прошлому не закончился описанным "прощальным поцелуем". Это было только начало, завершившееся стремлением национал-социалистов возродить средневековое цеховое, сословное, племенное строение общества.

К сожалению, строки, посвященные Людвигу Тику, автору лучшего перевода "Дон Кихота" на немецкий язык, действительно не самые удачные. А порой они просто неоправданно грубы, близки к кощунству. Тик ведь действительно работал со старинными народными преданиями,

переписывал их в виде драм и сказок. Перерабатывал и переиздавал сочинения миннезингеров, а также забытых немецких драматургов XVI-XVII веков. Это весьма полезная для культуры любого народа, для понимания и развития любого языка литературная работа. И непонятно, чем же она заслужила столь жесткую, грубую оценку, в которой, как кажется, ирония лишь ради иронии, шутка — ради шутки: "...Выкопал из могилы давно умерших предков и принялся качать их гроб, словно люльку, напевая при этом с бессмысленным детским лепетом: "Спи, дедушка, спи!"

Итак, 6:0 в пользу нацистов. За насмешки Гейне над культурным наследием немецкого народа.

Итого — сет проигран всухую. Разгромная победа нацистских идеологов над Гейне.

Но, как вы понимаете, этот условный матч абсолютно не честный. Из авторского контекста вырываются какие-то фразы, мысли. Упор делается на, может быть, действительно не самых удачных строках. Однако покойный классик уже не может объяснить, оправдаться, что-то изменить, исправить.

Вывод же после этого виртуального поединка делался абсолютно однозначный и безжалостный: "Посмотрите в связи с этим на еврейских художников. От то стучащих в испуге зубами, то в страхе ликующих, то с фырканием и с жадной мести распевающих псалмы (которые только благодаря переработке Лютера часто звучат так красиво) о стонущем Габироле, похотливом Давиде бен Шломо до гнусного Генриха Гейне". "Характер евреев в их деятельности торговых посредников и деятельности по разложению чужих типов остался все тем же... от Фило через Давида бен Шломо до Гейне".

Это все слова Розенберга. "Гнусный Гейне" — не больше и не меньше. Кстати, обратите внимание, кого назначает нацистский идеолог в предшественники Гейне. Ну, Фило Иегуда, он же Филон Александрийский, — это древнееврейский философ эллинский поры (20 г. до н. э. — 50 г. н. э.), и он в контексте нашего разговора не так интересен.

А вот "стонущий Габироль" (он же ибн Гебироль, ибн Гвироль, ибн Джабируль, он же Авицеброн) — сефардско-испанский поэт и философ (1021-1058). Испанским сефардом был и каббалист, авторитет в толковании Галахи Давид бен Шломо (он же раввин Давид бен Аби Зимра, акроним — Радбаз, 1479-1573). Правда, между ними существенная разница в 400 лет и — соответственно, в судьбе. Габироль всю жизнь прожил в родной Испании. А бен Шломо в 13-летнем возрасте вместе со всеми

испанскими евреями был изгнан. (Это как раз и был тот злосчастный для евреев 1492 год.) После чего бен Шломо проживал в Палестине и Египте.

Вот в связи с Египтом Розенберг и вывел мировоззренческое родство с Филоном, жителем Александрии Египетской. Правда, Филон проживал там на полторы тысячи лет раньше, чем бен Шломо. Но что значат такие мелочи для пронизательного Альфреда Розенберга, верного адепта теории еврейского заговора, тянущегося через пространства и века?

Вот так неожиданно замкнулась — закольцевалась наша тема. Идеологическими предшественниками Генриха Гейне, написавшего исключительно ради денег "Введение к "Дон Кихоту", нацисты объявили двух испанских мудрецов-евреев давних XI и XV веков, предшествовавших даже Сервантесу. Нет, совсем не чужой, а близкой и понятной, в их расистских рамках понятной, была Испания для нацистских идеологов.

Москва

